

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Институт истории им. А. Дониша

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(Сборник статей)

Ответственный редактор
А. К. Писарчик

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОНИШ"
ДУШАНБЕ - 1981

НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ АГАЛЫКАХ
В КАРШИНСКОМ И ШАХРИСАБЗСКОМ БЕКСТВАХ БУХАРСКОГО
ЭМИРАТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

А.А.Семенов, работам которого мы обязаны разъяснением многих своеобразных черт в налоговой и административной системе Бухарского ханства, опубликовал в 1952 г. небольшую статью, посвященную термину агалык = оголик.¹

Как сообщает А.А.Семенов, этот термин не встречался ему в многолетней практике, связанной с формами письменоводства бухарских канцелярий, и не был известен среди обозначений чинов и званий центрального административного аппарата Бухары.² Впервые этот термин был обнаружен в 1942 г. в одном из "отпусков" исходящих бумаг канцелярии бухарского кушбеги, относящихся ко времени правления эмира Музаффера (1860—1885). Отпуск этот является черновиком предписания эмира Музаффера чарджуйскому миру или хакиму по поводу урегулирования некоторых податных вопросов через посредство агалыка. А.А.Семенов пишет: "Никаких, разумеется, пояснений, в чем заключались функции этого лица, не было: дело шло о лице, несомненно, хорошо знакомом и эмиру, и чарджуйскому правителю. Но зато, по-видимому, мирзы кушбегиевой канцелярии не знали (или, по крайней мере, не все знали), кто же такой был агалык, и потому мирза, писавший оригинал и черновик, или отпуск, приказания эмира, исходящего из канцелярии кушбеги, написал сбоку на отпуске "для дела", "для памяти" и для себя следующее: "Оголик вакили халқ буда аз тарафи амир тагин карда мешуд. Дар қаламравии аморати Бухоро дар чаҳор вилоят оголик тагин карда мешуд: вилояти Чаҳорқўй, Қарши, Шаҳрисабз, Китоб. — Агалык был представителем народа, утверждавшимся эмиром. В державе Бухарской агалыки назначались в четырех вилайетах: Чарджуйском, Каршинском, Шахрисабзском и Китабском".³

Комментируя эту приписку мирзы, А.А.Семенов предполагает, что трудность управления этими богатыми, но крайне беспокойными областями вынудила бухарских эмиров допустить в число административных лиц и выборных уполномоченных из местного населения. Они утверждались эмирами и, становясь официальными лицами, являлись посредниками между местным правителем и населением. Таким образом, термин агалык имел значение "заступник, обладающий влиянием или властью старшено брата". Сожалея о том, что неизвестен порядок избрания агалыков, а также утверждения их эмирами, А.А.Семенов все же полагает, что они избирались из среды феодальной родо-племенной знати и не были подлинными представителями народа.

Во всей обширной литературе по вопросам истории и этнографии Средней Азии статья А.А.Семенова является первой и пока единственной, дающей сведения об институте агальков.⁴

Во время полевых работ Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в Кашкадарьинской области Узбекской ССР в 1957, 1959 и 1961 гг. удалось собрать некоторые материалы по этому вопросу на территории бывших каршинского и Шахрисабского бекств.⁵ Материалы эти свидетельствуют о достоверности пояснительной приписки мирзы, а также подтверждают и раскрывают ряд предположений А.А.Семенова, высказанных им на основании бывшего в его руках документа.

В 1957 г. в Карши один из информаторов рассказал, что в конце XIX — начале XX в. богатые люди устраивали по поводу обрезания мальчиков грандиозные праздники. Они назывались оголуқлик тўй — агальковские празднества, так как в организации их принимал участие агальк — оголуқ.⁶

Далее он сообщил, что агальк, будучи выборным лицом, являлся миёнарау — посредником между народом и беком (правителем Карши) и что такое лицо, кроме Карши, имелось в Шахрисабзе. К нему обращались люди с жалобами на стяжательство мелких служащих бека. Обычная практика была такова, что по жалобам сельских жителей бек отправлял для расследования на место махрама; содержание ему должен был оплачивать жалобщик, по вызову которого махрам был послан. Живя на даровых хлебах, махрам часто намеренно затягивал разбор жалобы, и тогда приходилось просить защиты у агалька, который говорил с беком и улаживал дело.

Последний каршинский агальк владел обширной усадьбой в пригороде, и при нем для посылок состоял шигаул. Горожане и крестьяне из ближайших к резиденции агалька селений обращались к нему непосредственно, а из более отдаленных частей бекства — через особых людей.

Как выяснилось из разговоров со стариками-арабами большого селения Камаша, в прошлом у них так же, как и в других крупных селениях Каршинского бекства, бывало по два аксакала (старшины). Один из них ведал делами, связанными с пайкал — землями, находившимися в общинном земле-

пользовании, очисткой ирригационных каналов, присутствовал обязательно при определении налогов с урожая во время объезда токов сборщиками налогов, организовывал помочи и участвовал в семейных советах по устройству семейных празднеств и поминок. Он выбирался народом (халқ) и обычно,

если был честным человеком, подолгу, лет по 15—20, занимал эту должность. Второй аксакал, по объяснению стариков, был одами калон, алопуш,

оқсақол⁷ — важный человек, аксакал из богатых людей. По словам других информаторов, у него были специальные названия: узбеки и таджики называли его амин, арабы — мирҳазор — тысяцкий. Он в этих местах и являлся

посредником между народом и каршинским агальком. Будучи тарафдори

халқ — державшим сторону народа, он занимался многими общественными делами, к нему обращались за помощью в самых разных случаях: "Аз бозор

бирун галлая нархаша балан(д) кардан(д), беобӣ шуд, камчилиғӣ шуд. —

Повысили цены на зерно помимо базара, случилось ли безводье или какая-нибудь нужда." Как и агальк, он участвовал в устройстве семейных праздни-

ков богачей. В йильбоши — праздник весеннего равноденствия он ездил с поздравлением к агальку, который дарил ему халат.

Избрание на должность последнего агалька Каршинского бекства произошло, по рассказам информаторов, на грандиозном празднестве, устроенном чармгарликнин бовоси — главою одного из двух эл, — соперничавших всегда между собой групп населения пригородов Карши.⁸ На празднике присутствовали и все влиятельные и богатые люди из другой группы — Бузургобод. Во время угощения чармгарликнин бовоси поднялся со своего места и провозгласил имя избираемого агалька, кандидатура которого была заранее обсуждена влиятельными людьми обеих групп. После окончания празднества самые старшие по положению люди отправились к беку и представили ему, вновь избранного агалька. Бек, как всегда, обратился с донесением к эмиру, и на имя агалька была прислана грамота.

Если в Карши знают только о существовании агальков в Карши и Шахрисабзе, то в Шахрисабзе Нураддин Абдуллаев (1883 г.р.), бывший до Великой Октябрьской социалистической революции одним из старших аксакалов города, прямо заявил: "Агальки были в четырех местах: Чарджуе, Карши, Шааре (Шахрисабзе) и Китабе. Агальки Шахрисабза и Китаба советовались друг с другом. Оба они были доверенными народа. Они писали эмиру в случае надобности письма: "Такой-то ваш бек притесняет народ".

В Шахрисабзе рассказывали, что одного агалька выбирало собрание, на котором присутствовали бек, раис, казий и халқ вакиллари — доверенные народа (они выбирались из очень влиятельных людей). Затем в Бухару посылалось представление, и оттуда приходила грамота и бир бухча — один сверток, в котором было дарственное шитое золотом сарупо — полное одеяние для избранного агалька и богатый конский убор.

По словам Нураддина Абдуллаева, агальк при своем утверждении в звании получал чин бия — девятый по восходящему порядку иерархии бухарских светских чинов.⁹ Избрание на должность агалька не являлось пожизненным; в случае недовольства населения его деятельностью, он мог быть смещен и на его место поставлен другой человек (так, как это бывало, например, с главами ремесленных цехов), но практически смещения с должности случались редко. Если агалька смещали, чин бия с него снимался. Если же он прекращал свою деятельность по болезни или по старости, этот чин за ним сохранялся. Агальк выбирался только из местных хорошо известных людей. "Шу оголиқ диган кши Бухородан булмейди, халқди ичидан була иди. — Этот человек, называемый агальком, не мог быть из Бухары, он всегда был из (местного) народа".

Обычно в агальки выбирали человека после того, как он побыл некоторое время аксакалом¹⁰ и показал свои деловые качества. "Яхши кайвони,¹¹ яхши одам иканини халқ била иди. — Народ знал, что он хороший человек".

При разговорах об агальке все мои собеседники, независимо от социального положения в прошлом, неизменно подчеркивали то обстоятельство, что агальк должен быть "тарафдори халқ" — "держашим сторону народа".

По словам жителей Шахрисабза, агальки здесь обычно выбирались из богатых, но не обязательно родовитых людей. Так, Нураддин Абдуллаев, который знал последнего шахрисабзского агалька — Абдушукура,¹² рассказывал, что Абдушукур был очень богат. В молодости он продолжал занятие своего отца (выращивал и продавал лук), а затем перешел к оптовой торговле чаем и ситцем и имел свой склад — сарой.

В Шахрисабзе, как и в Карши, агалыки жили не в бекской крепости,¹³ а в своих усадьбах, где на мужской половине всегда готовилось много еды, так как, кроме своих слуг и работников, здесь обычно бывало много чужих людей, которых принято было кормить. Не следует при этом забывать, что если агалык и тратил какую-то часть своих доходов на эти угощения, его расходы, несомненно, покрывались постоянными подношениями обращающихся к нему людей, так как, по существовавшему в Средней Азии обычаю, при обращении к влиятельным людям полагалось делать им подношения.

Земли самого агалыка не освобождались от налогов, но он получал в ленное владение — танхо по одной мельнице — тегермон, т.е. ему предоставлялось право взимать с владельцев мельницы и крупорушки налог — су моли (буквально водный налог) зерном или деньгами¹⁴ (по предварительному договору) в течение тех месяцев в году, когда они работали. Кроме танхо, он имел ежегодно от государства пошоликдан, до двух тысяч танга (300 руб., зерном или деньгами. От эмира он получал подарки к годовым праздникам и ответные дары на свои экстраординарные подношения, например, по случаю возвращения эмира из дальних путешествий (поездки в Ялту и т.п.). Такое подношение называлось чанг бости — "прибил пыль" и состояло обычно из лошади и бухча — свертка, куда входили халат, рубаха, штаны и чалма.

Агалык рассматривал различные дела в городе и селах, к нему обращались крестьяне со всего бекства (непосредственно или через аминов). В городе к нему чаще обращались купцы, реже ремесленники. Это объясняется тем, что у городских ремесленников имелись, во-первых, свои выборные главы цехов, и кроме того, котта бобо — главы однородных цехов групп городов и даже нескольких бекств, которые разбирали среди членов своего цеха самые разнообразные дела (кроме краж и убийств). Неоднократно приходилось слышать о том, что местные правители иногда даже отказывали ремесленникам в разборе гражданских дел, мотивируя эти отказы тем, что у ремесленников есть свои главы, которые их могут рассудить.

Тем не менее, как раз в Шахрисабзе гончары, выбрав своего последнего котта бобо,¹⁵ обратились с просьбой ходатайствовать перед эмиром о его утверждении в должности не к беку, а к агалыку. Новый бобо был до этого главою шахрисабзских гончаров и на должность котта бобо его выбирали, кроме шахрисабзских, гончары Китаба, Яккабага и Чиракчи. По окончании церемонии избрания, старейшие мастера повели его представлять агалыку, а за ними несли 20 подносов со сладостями и материями, которые были приобретены на средства, собранные среди гончаров всех четырех бекств. Агалык их любезно принял, им было подано угощение, во время которого на бобо был надет почетный халат. Затем, когда из Бухары пришла грамота об утверждении бобо в должности, гончары снова пошли в дом к агалыку, и тот вложил грамоту за чалму нового бобо и поздравил его. В дальнейшем при разрешении каких-либо очень запутанных цеховых дел котта бобо, по словам ремесленников, просил помощи и совета у агалыка.

Как городские жители, так и крестьяне обращались к агалыку, ища его заступничества, перед властями, в тех случаях, когда кого-нибудь

3
несправедливо арестовывали, а также при разборах долговых тяжб, так как, по утверждению всех информаторов, местные власти с ним очень считались. Даже когда речь шла о смертном приговоре, вмешательство агалыка иногда оказывалось действенным, и приговор мог быть отменен.

Нураддин Абдуллаев рассказывал, что в 90-х годах XIX в. городской раис в Шахрисабзе посадил в тюрьму мясника, у которого при проверке оказались неверными весы. За мясника вступился агалык, сказав раису, что первую вину следует человеку прощать, если же он опять провинится, то тогда надо будет его наказать.¹⁶ Раис не послушался совета агалыка и заявил: "Уз вазипасини адо қилсун, манга тегмасун. — Пусть выполняет свои обязанности, а меня не трогает (в мои дела не вмешивается)". Это дошло до агалыка, и он пожаловался беку. В конце концов раис был отстранен от должности и послан в качестве казия в Келиф — как бы в ссылку, в наказание за то, что он якобы "пукарога чабр қилди — притеснял народ".

В Шахрисабзе, так же как и в Карши, амин считался подчиненным агалыка: "оголикнин одами иди — был человеком агалыка". Основной функцией его в Шахрисабзе был надзор за правильным взиманием налогов с посевов: "Амлақдорни қилауни амин ушлаб юра иди — Амин держал сборщика податей за узду" (т.е. сдерживал его действия). Во всех рассказах о том, как производились расчеты и взимание налога с хирман, — кучи обмолоченного зерна на полях, неизменно отмечается, что если амлақдор завышал количество обмолоченного зерна на току, с которого он исчислял налог, амин вступался за владельца зерна, старался уговорить амлақдора снизить налог, а иногда требовал, чтобы был произведен промер зерна (количество которого амлақдором обычно определялось на глаз). Один из шахрисабзских информаторов рассказал, что однажды ему пришлось присутствовать при такого рода споре между амином и сборщиком налогов, амлақдором. Амлақдор не захотел принять во внимание мнение амина. Под конец амин рассердился и, ударив свою лошадь нагайкой, уехал с тока. Амлақдор тут же поскакал за ним, согласился с его условиями и извинился за свое упорство, после чего амин вернулся на поле.

Поведение самих аминов по отношению к крестьянам контролировалось агалыком, так как крестьяне в случае неправильных действий аминов жаловались на них агалыку.

В 1961 г. один из моих информаторов, 78-летний Бек-Назар, в прошлом крестьянин, рассказал о том, как последний шахрисабзский агалык Абдушукур однажды взял его под свою защиту. Случилось, что при осмотре урожая табака амлақдор приказал записать налог в 1 ман.¹⁷ Бек-Назар стал возражать и просить, чтобы табак взвесили. Амин стал в этом споре на сторону сборщика податей и обругал Бек-Назара. Бек-Назар схватил лошадь амина за узду, а тот ударил его нагайкой по лицу и уехал. Бек-Назар сейчас же бросился к агалыку, которого он застал сидящим за едой. Агалык, увидев окровавленного Бек-Назара, оставил еду, подошел к нему и, расспросив, в чем дело, успокоил его, сказав, что уладит вопрос о налоге. Затем он распорядился, чтобы Бек-Назару принесли поесть. В это время в усадьбу въехали несколько человек, среди которых был и обидевший Бек-Назара амин. Заметив Бек-Назара, он изменился в лице. По окончании еды агалык подзвал амина и очень строго отчитал его на глазах у всех. А что касается налога, то Бек-Назару пришлось внести лишь четвертую часть того, что первоначально насчитал ему амлақдор.

Агалык, как рассказывают информаторы, надзирал и за беком. Если

правитель совершал неправильный поступок, агалык писал эмиру (оголик беки ям назорат қила иди, ҳоким бир нотўғри иш қилса, подшога ёза иди).

Только в тех случаях, когда беком в Шахрисабзе был родственник эмира, в качестве непосредственно контролирующего его действия лица из Бухары назначался диёнбегӣ (диванбегӣ). При таких обстоятельствах агалык, получив жалобу на действия бека, обращался к диванбегӣ. Последний, рассмотрев дело, старался повлиять на бека и, если было нужно, писал в Бухару. Последний шахрисабзский агалык — Абдушукур, по сообщению информаторов, проявил себя человеком решительным. В 1920 г. после бухарской революции эмир пытался производить принудительный набор молодежи в солдаты, и в народе начались волнения, доходившие до стычек с войсками. Бек (из родственников эмира) хотел справиться с народом, но агалык Абдушукур этого не допустил и установил за ним надзор. "Кайвончилиги шунча дараҗага була иди. — До такой степени он умел держать управление (в своих руках)". В дальнейшем, бек бежал в Восточную Бухару, а агалык при приближении революционных отрядов выехал с белым флагом к ним навстречу и, предотвратив таким образом кровопролитие, спас многих людей от смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семенов А. А. О среднеазиатском (бухарском) термине агалык. — Докл. АН ТаджССР, вып. 3. Сталинабад, 1952, с. 3-6.

² Термин агалык, указывая в своей работе А. А. Семенов встречается в Фергане как в топонимике, так и в обозначении этнических групп. О группе "оголик", принадлежавшей в прошлом к привилегированным слоям населения в районе Намангана, упоминает О. А. Сухарева. Она сообщает также, что один из ее информаторов происходил по матери из рода Худоярхана, а по отцу из агалыков. (Сухарева О. А., Бикжанов М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, с. 22). Предание о происхождении агалыков, приведенное В. П. Наливкиным в "Краткой истории Кокандского ханства" (Казань, 1886, с. 23), лишено всякого правдоподобия и логики. Согласно этому преданию агалыки являются потомками поселенных в Фергане в местах мазаров пленных персов, захваченных Абдуллаханом в 1582 г. в Хорасане, в жены которым были розданы девушки, купленные у кашгарских цыган рода Ага. От этого рода якобы и пошло их прозвище — агалык.

³ Семенов А. А. Указ. соч., с. 5.

⁴ После опубликования статьи А. А. Семенова термин агалык (в форме аголик) упомянут в одном из актов, изданных О. Д. Чехович, в котором среди "людей, заслуживающих доверия", присутствовавших при подписании акта, назван Каримберди-аголик (Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве ХУ11-Х1Х вв. Ташкент, 1954, с. 67-68. Там же, в примечении 168 на с. 244 О. Д. Чехович говорит об Указе о назначении аголика, имеющемся в рукописи ИВ УзССР, № 300, с. 42 аб).

О. Д. Чехович сообщила мне в личном письме, что это — "указ без

даты и имени издавшего о пожаловании некоему Салим-аголику обязанностей аголика ^{اغالق} ^{مهم} по отношению к земледельцам-издольщикам ^{زارعان} джуйбара Бешкент, которые должны его почитать и подчиняться его распоряжениям... Одновременно в том же документе тому же лицу пожаловано мирабство в той же местности, вследствие чего он должен распоряжаться водами указанного джуйбара, распределяя их доли воды между селениями и арыками, в соответствии с их общинными правами".

По сведениям К.З.Хакимовой-Мухсиновой, сообщенным О.Д.Чеховичу, в документах XIX в. из архива кушбеги эмира бухарского (ЦГА УзССР, фонд И-126) нередко встречается термин аголик, в другом значении: агалыками назывались лица, назначавшиеся бухарским эмиром для надзора и руководства действиями правителей вилайетов Китаб, Карши, Гузар и др. Имеется документ о ссоре между правителями и агалыком.

Выражаю свою глубокую признательность О.Д.Чехович и К.З.Хакимовой-Мухсиной, поделившимся со мной этими сведениями. (Прим.редактора).

5 В 1957 г. специальных сборов сведений об агалыках не велось, так как статья А.А.Семенова при выходе ее в свет была мною пропущена. Поэтому вначале отрывочные данные об агалыках, попадавшиеся среди материалов, собранных по другим темам, не привлекли в должной мере моего внимания. Лишь при камеральных работах по приведению экспедиционных материалов в порядок они уже сложились в отдельную тему, интерес к которой увеличился, особенно после знакомства с работой А.А.Семенова (на которую мне любезно указал А.М.Беленицкий). В 1959 и 1961 гг. удалось собрать уже более полные материалы об агалыках.

6 Оголуқ — каршинское произношение, шахрисабзцы говорят оголик.

7 Алопуш — одетый в пестрое (тадж., от ало — пестрый + пуш — основа наст. вр. от глагола одеваться, одевать). К алопуш в Карши относили всех богатых людей, говоря: "Алопуш — явне бойлар". — "Алопуш — значит богачи". Это же прозвище, только в его узбекской форме — алачапан (пестрохалатные) применялось в Фергане к группе агалык (Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Указ.соч., с.22).

8 Сухарева О. А. Традиционное соперничество между частями городов Узбекистана (конец XIX — начало XX в.). — КСИЭ АН СССР, вып. 30. М., 1958, с.126.

9 Обо всех чинах, упоминаемых в настоящей статье, см.: Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — "Сов. востоковедение". Вып. 5. М.-Л., 1948.

10 По собранным сведениям, в Шахрисабзе система выборного управления города и бекства была следующей. В городе было 96 аксакалов по числу 96 маҳалла — кварталов и, кроме того, 23 старших аксакала — котта оқсақол, под началом которых находилось по несколько маҳалла. В бекстве

выбирались 13 чиновников — амин по числу 13 амлакдор — государственных чиновников, ведавших сбором налогов с пахотных земель. Над всеми этими выборными лицами и стоял агалык.

В агалыки здесь также выбирали лиц, побывавших на должности городского аксакала, а аксакалы (во всяком случае старшие) были самостоятельными людьми.

11 О значении термина кайвои в Кашкадарьинском оазисе см.:

Пешерова Е. М. О ремесленных организациях Средней Азии. — КСИЭ АН СССР, вып. 33. М., 1960, с. 44.

12 До Абдушукура, по словам Абдуллаева, агалыком был Хайтбой, а перед ним — Олимджон, отец Исламкуда Туксабо.

13 В разговорной речи бека нередко называли қўрғоннишин — сидящий в крепости.

14 Су моли составлял половину дохода, получаемого владельцем мельницы со своих клиентов за помол зерна (оплата помола составляла 8 кг со 160 кг смолотого зерна).

15 О котта бобо см. Пешерова Е. М. Указ. соч., с. 41.

16 Подтверждение тому, что раис должен был поступить именно так, было получено мною в беседах и с другими лицами, когда говорилось, что обычно раис при совершенном в первый раз проступке только публично отчитывал провинившегося. Если же этот человек попадался во второй раз, тогда применялось телесное наказание — удары плетью.

17 В Шахрисабзе 1 ман равнялся 160 кг.

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Приведенные Е. М. Пешеровой данные об институте агалыков в некоторых бухарских бекствах в XIX—XX вв. интересно сопоставить с данными об институте мирдари хона, или мирдари хона в Дарвазе. Впервые этот институт был отмечен Н. А. Кисляковым, который писал, что в Вандже правит наместник дарвазского бека, тоже бухарский чиновник — мир. "При последнем находятся два других мира, так называемых мирдари хона, — мир при дверях дома, из местной знати; каждый из них является администратором на одном из берегов р. Ванджа. Часто один из таких мирдари хона фактически распоряжался во всем Вандже, а мир-наместник находился под его влиянием..." (К и с л я к о в Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, с. 55). Н. Латыпов говорит о наличии у дарвазского мира заместителей — мирдархуна, причем приводит очень интересный в аспекте затронутой проблемы вариант их названия — мири халқи — народные миры. (Л а т ы п о в Н. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти. — Учен. зап. Кулябского гос. пед. ин-та. Вып. 3. Куляб, 1957, с. 99).

Более подробные сведения о дарвазских мирдари хона и их функциях приводит Р.Л.Неменова. Она пишет: "В Дарвазе, наряду с амлоками, существовали до установления Советской власти определенные территориальные единицы, находившиеся под управлением непосредственных помощников или наместников бека — мирдари хона, или мири дари хона, назначаемых, по одним сведениям, миром (беком), по другим — самим эмиром, из местных жителей, главным образом из местной аристократии... и территории, которые находились в орбите их управления, обычно не совпадали с амлоками...

Мирдарихона был облечен большими полномочиями и занимал высокое положение. Он мог непосредственно, минуя бека, докладывать самому эмиру о недовольстве своих подчиненных чиновниками, назначенными беком... В функции мирдари хона входил разбор дел, связанных с разделом семей, с землепользованием и др. За участие в разбирательстве он получал какое-либо вознаграждение... Однако нигде нет указаний на то, что мирдари хона в Дарвазском бекстве был причастен к сбору налогов с населения, ответственными за налоги были миразоры и амлокдоры.

Собранные... материалы дают возможность предположить, что мирдари хона — реликт прошлого административно-территориального устройства страны. Существование мирдари хона наряду с амлокдорами в Дарвазе, возможно, поддерживалось бухарскими высшими властями, которые были заинтересованы в сохранении старого административного института, поскольку искали расположения местной аристократии с тем, чтобы укрепиться во вновь завоеванной стране". (Неменова Р. Л. Раздел о мирдари хона. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.1. Душанбе, 1966, с.37—38). Как известно, Дарваз был захвачен и присоединен к Бухаре эмиром Музаффаром в 1878 г. (Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Изд. второе. Сталинабад, 1954, с.99—100). Приведенное выше предположение Р.Л.Неменовой о сохранении института мирдари хона — реликта старого административного устройства страны в Дарвазе — для облегчения управления вновь завоеванной страной совпадает с объяснением А.А.Семеновым наличия института агалык в четырех перечисленных им бекствах Бухарского ханства. — "Вероятно, — пишет он, — трудность управления этими богатыми, но чрезвычайно беспокойными областями вынудила бухарских эмиров допустить в число административных лиц и выборных уполномоченных из местного населения". (Семенов А. А. О среднеазиатском (бухарском) термине агалык, с.5). Как известно, некоторые из этих бекств, в частности Шахрисабзское, бывшее вотчиной кенегезов, еще в первой половине XIX в. было полунезависимым и для его окончательного подчинения и присоединения к Бухаре эмир Музаффар в 1870 г. был вынужден прибегнуть к помощи русских войск. (История народов Узбекистана. Т.2. Ташкент, 1947, с. 238 — 239).

Из всего сказанного следует, что наряду с институтом агалык в западных и центральных бекствах Бухарского ханства существовал аналогичный институт, носящий однако другое название — мирдари хона, на крайнем юго-востоке ханства, в Дарвазском бекстве.